

Гайдар Егор

«Кризис — это механизм очищения экономики от слабостей», —

утверждает Егор Гайдар

The New Times № 42 от 20 октября 2008 года

Талант экономиста в том, чтобы предсказывать развитие событий, а потом объяснять, почему не случилось то, что он предсказывал. А вот Егор Гайдар, выступая в январе на ученом совете Института экономики переходного периода (ИЭПП), весьма точно спрогнозировал начало мирового кризиса. О том, как ему это удалось и что будет дальше, директор ИЭПП рассказал The New Times

Доклад, посвященный рискам развития российской экономики, был подготовлен еще в октябре 2006-го. Дело не в особом даре предвидения. Мы убеждены в том, что цикличность развития мировой экономики важна для страны, в существенной степени зависящей от притока и оттока капиталов, от цен на нефть, нефтепродукты, газ и металлы.

Некоторые коллеги упрекают нас в том, что мы, пережившие катастрофу 90-х годов, связанную с крахом советской экономики, обладаем деформированным сознанием и все время думаем о катастрофах, которых не будет. Мы действительно были вынуждены разбираться с последствиями банкротства Советского Союза. Этот опыт и заставил нас системно анализировать риски устойчивости развития страны. Один из сценариев, который был описан в нашем докладе 2006 года (самый пессимистический), сейчас реализован с точностью до цифр.

Новый необъяснимый мир

Наша оценка рисков стала базой для создания Стабилизационного фонда, накопления золотовалютных резервов. Если бы денежные власти не накопили эти резервы, они были бы не в силах противостоять нынешним обстоятельствам непреодолимой силы, как были неспособны противостоять им советские власти после резкого падения цен на нефть в 1985–1986 годах. Сейчас российские власти обладают ресурсами, позволяющими противостоять кризису, и они пытаются их использовать — не идеально, но достаточно эффективно.

Сегодня аналитики проводят параллели между нынешним кризисом и теми, которые сотрясли планету в XX веке. Но надо понимать, что мы живем в быстро меняющемся мире. Конечно, можно провести параллели и с кризисом 1907 года, и с Великой депрессией, и они будут разумными. Но следует учитывать, что мир 1907 года — это мир золотовалютного стандарта. Мир Великой депрессии — это мир кризиса золотовалютного стандарта. Мы живем в ином мире, где нет каркаса золотовалютного стандарта, позволяющего обеспечивать денежную стабильность, где курсы ведущих мировых валют плавающие. Как этот новый мир работает, никто еще толком не понимает. Никто не смог спрогнозировать ни мексиканский кризис 1994 года, ни кризис в Юго-Восточной Азии в 1997–1998 годах. Нынешние трудности — это новый вызов, требующий поиска адекватных ответов.

Главное — банковская система

Многие ищут истоки проблем в ипотечном кризисе, разразившемся в США еще год назад. Однако я считаю, что серьезный ответ на вопрос об истоках нынешнего кризиса можно дать не раньше чем через год. Это требует специального и серьезного анализа. Конечно, мягкая денежная политика в США, направленная на то, чтобы сгладить рецессию 2001 года и минимизировать возможные циклические колебания, способствовала накоплению крупных проблем в американской финансовой системе и реальном секторе. Такая политика создала базу для образования нескольких мыльных пузырей.

Если говорить о возможных последствиях финансового кризиса для России, то принципиально важна стабильность банковской системы. Когда кризис закончится, можно будет разбираться, кого наказывать. А во время тяжелого финансового кризиса надо сохранить доверие вкладчиков к банковской системе. Иначе за отсутствие этого доверия заплатим дороже. Все остальное — что будет с валютным курсом, с фондовым рынком — это производные вопросы.

Когда все это закончится

Ответ на вопрос, сколько продлится кризис на мировых финансовых рынках, не знает никто. Экспертные оценки показывают, что выход из кризиса вероятен в четвертом квартале 2009 года.

Пока мы ждем замедления темпов роста в реальном секторе российской экономики. Отток капитала и снижение цен на энергоносители создают благоприятный фон для борьбы с инфляцией. Ее снижение возможно с лагом в 6–9 месяцев. Но здесь сталкиваются два противоположно направленных фактора: с одной стороны, снижение притока капитала и падение цен на нефть приводят к сокращению темпов роста денежной массы, с другой — проблемы в банковской системе требуют от ЦБ мер по ее поддержке. Денежные власти должны найти тонкий баланс между сохранением стабильности банковской системы и снижением инфляции.

Дорогие деньги

Нашей экономике предстоит научиться жить при дорогих деньгах. Это означает снижение темпов экономического роста, другую ситуацию на рынке труда. Среднестатистическому россиянину придется жить в условиях, когда инфляция, вероятно, будет ниже, процентная ставка по его вкладам в реальном исчислении выше, темпы роста реальных доходов ниже, шансы, что он потеряет свое рабочее место, выше.

<http://newtimes.ru/articles/crint/3433/>

Тем, кто занят в коммерческом секторе, нужно готовиться к тому, что их бонусы окажутся нулевыми. В экономике и для предприятий, и для физических лиц важна доступность кредита. Сейчас он практически отсутствует. Меры Центрального банка, связанные с повышением ликвидности банковской системы, дают определенные шансы на восстановление кредитного рынка, но не гарантируют решения этой проблемы. Риски, о которых много говорят в последнее время, в том числе и коррупция при распределении средств, выделяемых государством, имеют место. С этими рисками надо работать, минимизировать их. Большая ошибка думать, что если вы дали деньги трем государственным банкам, то проблемы банковской системы решены.

Трудно прогнозировать, как будет меняться валютный курс. Это будет зависеть от того, насколько продолжительным окажется замедление темпов роста в мире. Обычно в случае замедления мирового экономического роста финансовые активы переводятся в ценные бумаги стран, обладающих мировыми резервными валютами. Сейчас резервные валюты — это доллар и евро, резервные валюты второго плана — фунт стерлингов, иена, швейцарский франк. Рубль пока не является мировой резервной валютой. Если принять гипотезу, что замедление экономического роста — это краткосрочный феномен, то нет смысла терять деньги на комиссионных, связанных с изменением структуры активов. Если принять гипотезу, что мы вступили в длинный период низких темпов экономического роста, то стратегия должна быть иной.

Окно для реформ

Мир выйдет из кризиса более жестким. Кризис — это механизм очищения экономики от слабостей. Будет улучшен менеджмент крупнейших компаний, сокращены издержки, повышено качество продукции. России придется конкурировать в более жестком мире. Это вызов, который при правильном понимании происходящего властями и деловой элитой заставит сделать отечественную экономику более конкурентоспособной. В какой степени мы окажемся готовы ответить на этот вызов — покажет время.

Пока можно констатировать, что у государства, которое активно приходит в экономику на волне кризиса, возникает серьезный соблазн там задержаться. Напомню: в 1991 году, когда обанкротился Советский Союз, государство почти целиком владело экономикой. Это бремя оказалось ему не под силу. Мне не кажется, что наше государство сегодня намного эффективнее, чем в 1990–1991 годах.

Кризисная ситуация открывает окно возможностей. Кризис 98-го года я и мои коллеги восприняли именно как окно возможностей. Реформы, которые не проходили до того по политическим соображениям, в результате кризиса оказались реализованными — от налоговой до реформы систем фискального федерализма. Сейчас ситуация схожая. Кризис позволяет всерьез работать над программой необходимых для страны реформ, забыв о политических ограничениях. Сегодня в повестке дня пенсионная реформа, реформа «Газпрома», ЖКХ, новая волна приватизации, военная реформа, сокращение круга бюджетных статей, которые являются секретными, прозрачность процедуры принятия государственных решений, гарантии частной собственности, независимость судебной системы. Все это в докризисные времена обсуждалось, но было нереализуемо на практике.

Кризис приведет к политическим последствиям. Управлять Россией при цене на нефть 140 долларов за баррель и 70 долларов за баррель — это разные задачи. Это изменит условия работы российских властей. Возможны два сценария развития событий — либерализация режима и попытка его ужесточения. Не знаю, по какому пути пойдет наша страна, но могу определенно сказать: если стратегией, которую выбирают власти, становится ужесточение режима, то это будет ошибкой. Ужесточение режима может быть успешным в краткосрочной перспективе. В долгосрочной перспективе этот курс лишь прокладывает дорогу к новым потрясениям, которых в России XX века и так хватало.

Поэтому надеюсь, что кризис отрезвит российские власти, элиту, граждан. Что сократится объем популизма в экономической политике, проявится более трезвый подход к расходным программам бюджета, менее слышимым станет барабанный бой во внешнеполитической риторике.

Отказ от либеральной политики стоит дорого. Нынешний кризис нельзя отрывать от предшествующих 200 лет экономической истории. Они показали, что создание либеральных институтов открывает дорогу многократному, по сравнению с предшествующими тысячелетиями, ускорению экономического роста. Ускорение экономического роста, урбанизация, рост продолжительности жизни, связанные с созданием либеральных институтов (условно говоря — по Адаму Смиту), вносят дополнительные элементы нестабильности, связанные с изменениями мировой конъюнктуры. Но даже в условиях кризиса стоит помнить, что пока эти институты отсутствовали, никакого среднедушевого роста ВВП на протяжении тысячелетий не было.

«Погода» на завтра

Если говорить о долгосрочном прогнозе развития мировой экономики, то страны, которые имеют преимущества догоняющего развития, такие как Китай, Индия, Бразилия и Россия, вероятно, будут расти быстрее, чем мировая экономика в целом. Пока ничто не убеждает меня в том, что мало-мальски прилично управляемые страны, которые имеют потенциал догоняющего развития, не будут постепенно приближаться к странам-лидерам.

Возможно, что появятся новые растущие рынки. БРИК — это же не закрытый перечень. Просто это самые крупные из развивающихся рынков. Но есть и другие. Например, Южная Африка.

Мировая экономика пройдет еще не через один кризис. Надо учитывать, что наиболее распространенный диапазон проявления периодов замедления темпов экономического роста на протяжении последних 200 лет — от 5 до 10 лет.